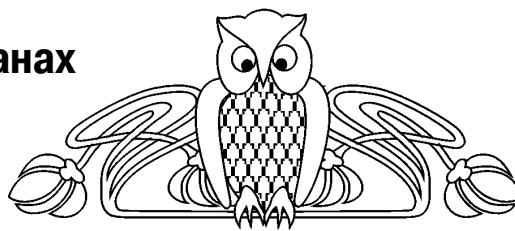

УДК 821.161.1.09-31+929[Достоевский+Тургенев]

Образ незаконнорожденного в романах Ф. М. Достоевского «Подросток» и И. С. Тургенева «Новь»

Е. А. Иванова

Иванова Елизавета Андреевна, аспирант кафедры теории и истории литературы, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Москва, lisbeth.z@yandex.ru

Статья посвящена исследованию образов главных героев романов Ф. М. Достоевского «Подросток» и И. С. Тургенева «Новь» с точки зрения происхождения. Главной идеей статьи является выделение незаконнорожденного героя как отдельного архетипа в литературе.

Ключевые слова: И. С. Тургенев, Ф. М. Достоевский, «Подросток», «Новь», незаконнорожденный герой, русская литература XIX века.

The Image of an Illegitimate Child in the Novels *A Raw Youth* by F. M. Dostoyevsky and *Virgin Soil* by I. S. Turgenyev

Е. А. Иванова

Elizaveta A. Ivanova, <https://orcid.org/0000-0002-6159-1516>, St. Tikhon's Orthodox University, 23B Novokuznetskaya St., Moscow 115184, Russia, lisbeth.z@yandex.ru

The article studies the images of the leading characters in the novels *A Raw Youth* by Dostoyevsky and *Virgin Soil* by Turgenyev. The main idea of the article is to highlight the image of an illegitimate character as a separate archetype in literature.

Keywords: I. S. Turgenyev, F. M. Dostoyevsky, *A Raw Youth*, *Virgin Soil*, illegitimate child, Russian literature of 19th century.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-2-187-191>

Во второй половине XIX в., эпоху процветания для русского романа уже существовала устойчивая система образов с рефлексирующим персонажем в центре¹. Происхождение романного героя обычно рассматривается с точки зрения его принадлежности к определенному социальному слою, однако такой нюанс происхождения, как незаконнорожденность, редко становится отправной точкой в формировании характера героя. Тем не менее, в некоторых литературных произведениях именно эта особенность подчеркивается их авторами как исключительно важная, в частности, в романах Ф. М. Достоевского «Подросток» (1875–1876) и И. С. Тургенева «Новь» (1877). Отечественное литературоведение XX в. зачастую делало акцент на социально-политической и нравственной значимости романов XIX в., оставляя в стороне многие черты, важные с точки зрения психологизма как существенной особенности русского романа в целом.

Литературоведение XX в. обращало внимание лишь на внешний уровень конфликта романа «Новь». Одни исследователи полагают, что в романе развивается два больших социально-идеологических конфликта: между народниками и народом и между народом и правящей верхушкой². Другие говорят о «Подростке» как о воспитательном романе о «ребенке в разлагающейся дворянской среде»³. Оба эти определения сдвигают фокус анализа произведения в план временного исторического восприятия, обусловленного традицией, идеологией и проч. Рассматривая специфику романов с культурно-исторической точки зрения, мы обязаны дать соответствующий комментарий.

Духовная нестабильность человека пореформенной эпохи, свойственна незаконнорожденным детям в силу их двойственного положения и дает им полное право именоваться героями эпохи. Незаконнорожденность была значительной проблемой на момент создания обоих романов. Реформы императора Николая I отняли у незаконнорожденных любые привилегии, которые могли следовать из социального положения родителей, полностью оставив их на попечение благотворительных организаций или, при существовании такой возможности, на усмотрение родителей или воспитателей. В 1870 г. появляется статистический очерк И. И. Янжула «О незаконнорожденных», призванный охарактеризовать положение незаконнорожденных детей на предшествующее десятилетие. Он начинается словами, исчерпывающе передающими суть его исследования: «Из всех ненормальных общественных положений, положение незаконнорожденного едва ли не худшее»⁴.

В чем же причина того, что противоположные по взглядам Тургенев и Достоевский создают героев в одинаковом положении, героев-бастардов? Можем ли мы говорить о том, что в литературе сложился архетип незаконнорожденного героя, имеющий определенные черты (употребляя слово «архетип»), мы подразумеваем его в широком смысле⁵? Чтобы хотя бы частично ответить на этот вопрос, необходимо рассмотреть сходства и различия в структуре образов этих героев.

Если взглянуть на галерею литературных бастардов XIX и даже XX вв., то станет очевидно, что в восприятии внебрачного ребенка общественным мнением играет роль наличие запрета на обсуждение внебрачной связи как социального явления. Дети, появившиеся в результате запрет-

ных отношений, изначально воспринимались не такими, как должно. Таким образом, незаконнорожденный или, что звучит еще более незачинно, незаконный (как бы человек вне закона) приравнивается к неправильному, преступному, греховному, не такому, как нужно, ненужному.

Портретные характеристики главных героев обоих романов отсылают читателя к образу романтического героя, но от своего прообраза они берут разные черты. Алексей Нежданов – прямой наследник исключительного во всех отношениях романтического героя, вплоть до своего рода мистичности, которой его наделяют окружающие, говоря об удачливости всех незаконнорожденных. Нежданов исключителен во многих чертах, внешность выделяет его среди других: «...красивое белое лицо, казавшееся еще белее от темно-красного цвета волнистых рыжих волос»⁶. Портрет Аркадия Долгорукого, как и особенности его поведения, более отсылают нас к так называемому естественному герою⁷. Ключевые характеристики такого типажа – искренность, простота, некоторая неловкость в том, что касается условностей и этикета. Портрет такого героя должен быть отличен от «модного» байронического типа. Внешний же вид Аркадия говорит, во-первых, о физическом здоровье. Главная бросающаяся в глаза внешняя черта – красные щеки. Черта эта также намекает на некоторую детскость, незрелость, что характерно для естественного героя. Примечательно, что подобным же образом Достоевский описывает и Алешу Карамазова, употребляя те же слова, даже называя героя «подростком»⁸. Внешние черты Нежданова и Аркадия выделяют их из среды типичных героев, наделяя некоторой исключительностью, так же как и их происхождение. Именно незаконнорожденность можно принять за отправную точку формирования характеров обоих героев.

Нежданов и Аркадий говорят о своем происхождении похожими словами, испытывают похожие чувства: стыд, обиду, сознание своей выброшенности из нормальной жизни. Нежданов признается: «О, как я проклиная тогда эту нервность, чуткость, впечатлительность, брезгливость, все это наследие моего аристократического отца! Какое право имел он втолкнуть меня в жизнь, снабдив меня органами, которые несвойственны среде, – в которой я должен вращаться?»⁹. Нежданов стыдится своего происхождения, винит отца в том, что, «по природе» являясь «аристократом», он вынужден существовать в среде ему чуждой и неприятной. В отличие от Аркадия, он не ищет родительской любви, не вспоминает о детстве. Вероятно, виной тому еще и избранная авторами модель поведения, соответствующая разным романтическим прототипам. Если Аркадий еще подросток, еще невзрослый, неразвращенный, незрелый (и поэтому ищущий опоры во «взрослых»), то Нежданов – рано повзрослевший, рано познавший сложности жизни, как и подобает страдающему герою байронического толка.

Аркадий начинает свое повествование с рассказа, отражающего его отношение к собственному происхождению. Его раздражало, что всякий раз, когда он представлялся, его спрашивали, не князь ли он Долгорукий. Прекрасно понимая, что ставит собеседника в неловкое положение, Аркадий начал прямо заявлять, что он незаконнорожденный.

«Наконец, один из товарищей, очень едкий малый и с которым я всего только в год раз разговаривал, с серьезным видом, но несколько смотря в сторону, сказал мне:

– Такие чувства вам, конечно, делают честь, и, без сомнения, вам есть чем гордиться; но я бы на вашем месте все-таки не очень праздновал, что незаконнорожденный... а вы точно именинник!

С тех пор я перестал хвалиться, что незаконнорожденный»¹⁰.

Как уже было сказано, незаконное происхождение формирует характер как Нежданова, так и Аркадия. С точки зрения психологизма примечательно, что и Тургенев, и Достоевский, не сговариваясь, описывают некий феномен, который можно было бы назвать комплексом бастарда. Фальшивое положение незаконнорожденного становится причиной внутреннего нездоровья героя Тургенева. Будучи сыном генерал-адъютанта и гувернантки, он получил то воспитание, которое считал должным дать его отец. Однако допущен в аристократическую семью герой не был. Формально отец исполнил свой долг, но, по сути, Нежданов ощущает себя выброшенным в жизнь, не имея возможности причалить к тому или иному берегу, ощущая себя чужим как в аристократической гостиной Сипягиных, так и в среде революционеров-разночинцев¹¹.

Та же модель заложена и в формировании характера Аркадия. Сын дворянина Версилова и крепостной, он также получил образование, за что был вечно понукаем и обвиняем в неблагодарности к отцу. Ведь, по понятиям того времени, незаконнорожденные не имели прав на образование кроме как благотворительное. Если отец призревал таким образом внебрачного сына, то делал ему большую услугу. Однако Аркадий предъявляет претензию, не обоснованную с точки зрения своего социального статуса, но вполне понятную с точки зрения ребенка, обделенного любовью: «И неужели он не ломался, а и в самом деле не в состоянии был догадаться, что мне не дворянство версильское нужно было, что не рождения моего я не могу ему простить, а что мне самого Версилова всю жизнь надо было, всего человека, отца, и что эта мысль вошла уже в кровь мою? Неужели же такой тонкий человек настолько туп и груб?»¹²

В формировании образов главных героев «Подростка» и «Нови» важную роль играют литературные аллюзии. Романтическая исключительность обоих героев, дающая им право на смелые мысли и высказывания, поддерживается параллелями с Гамлетом и Чацким. Сила Паклин,

один из героев «Нови», называет Нежданова «российский Гамлет»¹³. Эта параллель созвучна мыслям самого Нежданова: «О Гамлет, Гамлет, датский принц, как выйти из твоей тени? Как перестать подражать тебе во всем, даже в позорном наслаждении самобичевания?»¹⁴. В XVIII главе теми же словами, что и в первой, отвечает Паклин на его размышления: «– Алексис! Друг! Российский Гамлет! – раздался вдруг, как бы в отзвучие всем этим размышлениям, знакомый писклявый голос»¹⁵. Между встречами Нежданова и Паклина проходит немало времени. Нежданов уже успел пережить разочарование от новой должности, коварство барыни Сипягиной, сойтись с «тургеневской девушкой» Марианной, познакомиться с нигилистом Маркеловым и прогрессивным деятелем Соломиным, но произошедшее с ним не меняет его сути. Он остается Гамлетом до самого конца. Постоянно и навязчиво предлагаемая параллель с шекспировским героем поддерживает статичность Нежданова, его неспособность выйти из образа. «Куда ни кинь – всё клин!»¹⁶ – такими словами герой как бы подытоживает бессцельность своего существования, в которое не принесли смысла ни любовь, ни благородное дело общественного блага, ни служба. Сам Тургенев приговаривает Гамлета в своей статье «Гамлет и Дон Кихот»: «Он весь живет для самого себя <...> это я, в которое он не верит, дорого Гамлету. Это исходная точка, к которой он возвращается беспрепятственно, потому что не находит ничего в целом мире, к чему мог бы прилепиться душою...»¹⁷

Гамлет вновь возникает в одном из писем Нежданова к безмолвному корреспонденту Силину в несколько ином контексте. Оказывается, среди крестьян, среди тех, кому вынужден проповедовать Нежданов, тоже есть гамлеты. «Помнишь, была когда-то – давно тому назад – речь о “лишних” людях, о Гамлетах? Представь: такие “лишние” люди попадают теперь между крестьянами! Конечно, с особым оттенком... притом они большей частью чахоточного сложения. Интересные субъекты – и идут к нам охотно; но, собственно, для дела – непригодные, так же, как и прежние Гамлеты»¹⁸. Если под соотношением с образом Гамлета понимать не только склонность к «самобичеванию», но и «непригодность к делу», то в этом письме Нежданов выносит приговор «делу», за которое ругают его товарищи. Приговор он выносит и себе. Уже в этом письме звучат мысли о самоубийстве: «А на кого идти, с кем, зачем? Чтобы казенный солдат тебя убухал из казенного ружья? Да ведь это какое-то сложное самоубийство! Уж лучше же я сам с собой покончу. По крайней мере, буду знать, когда и как, и сам выберу, в какое место выпалить»¹⁹. Таким образом, шекспировская параллель приобретает нарастающий трагизм, готовя читателя к финалу романа.

Любопытно, что, согласно классификации Тургенева (в статье «Гамлет и Дон Кихот»²⁰),

Аркадий Долгорукий с его порывистой натурой, попыткой бескорыстного служения людям, экзальтированным преклонением перед теми, кого он любит, больше похож на Дон Кихота.

В романе Достоевского аллюзии играют важную смыслообразующую роль. Немецкий исследователь Х. Роте выделяет три уровня аллюзий в «Подростке»: исторические (куда включаются персоналии европейской истории постнаполеоновского периода), литературные (где главная параллель – Версильов – Чацкий) и библейские, раскрывающие дополнительные смыслы в характерах героев. Постоянные упоминания знаковых имен служат в романе для снятия надуманных представлений отца и сына друг о друге. Обретение семьи в финале для Аркадия возможно только через путь узнавания, крушение иллюзий, принятие двойственности мира, в котором он находится²¹.

Главным литературным образом, к которому отсылает нас Достоевский, становится образ Чацкого. Яркое воспоминание детства Аркадия – любительская постановка, в которой его отец играл Чацкого. Впечатление, произведенное на Аркадия этой постановкой, было очень глубоко, возможно, потому, что в этот момент ему казалось, что он видит истинное лицо Версильова, приближаясь к разгадке «главной загадки своей жизни». «– Я стоял, смотрел на вас и вдруг прокричал: “Ах, как хорошо, настоящий Чацкий!” Вы вдруг обернулись ко мне и спрашиваете: “Да разве ты уже знаешь Чацкого?” – а сами сели на диван и принялись за кофей в самом прелестном расположении духа, – так бы вас и расцеловал». Заметим, что подобные порывы, вообще свойственные Аркадию, он проявляет именно тогда, когда Версильов показывается перед ним с лучшей стороны. Аркадий счастлив показать свою любовь, требующую выхода, но такие моменты ему выпадают нечасто, приводя его в состояние экзальтации. Тем больше врзалась в его память сцена из любительской постановки «Горя от ума», поскольку неразрывно была связана в его воспоминаниях с разбитым сердцем: «Всю ночь я был в бреду, а на другой день, в десять часов, уже стоял у кабинета, но кабинет был притворен: у вас сидели люди, и вы с ними занимались делами; потом вдруг укатили на весь день до глубокой ночи – так я вас и не увидел! <...> Тем и кончилось, что свезли меня в пансион, к Тушару, в вас влюбленного и невинного, Андрей Петрович...»²²

Примечательно, что именно Версильов соотносится с образом Чацкого, русского Гамлета, поскольку в тексте Достоевского именно он становится наследником той же романтической традиции, которой у Тургенева следует Нежданов – традиции образа рефлексивного эгоиста.

Третий уровень аллюзий в «Подростке» более сложен. Он связан с нравственным восприятием Достоевским семейной трагедии Аркадия на библейском уровне²³. Аркадий способен обре-

сти счастье в союзе с семьей, впитывая любовь близких, в первую очередь отца и матери. Герой Тургенева трагически, экзистенциально одинок, поэтому он не ищет поддержки близких, не питает любви и уважения к отцу (как Небесному, так и земному).

И отец Нежданова, и Версилов по отношению к своим детям формально исполнили свой долг. Но сыновьям этого оказывается недостаточно. Аркадий одинок внутри своей семьи и отчаянно ищет любви и поддержки близких. Он все же способен выйти из этого кризиса с помощью череды узнаваний, преодоления барьеров. Нежданов же страдает от экзистенциального кризиса, с которым справиться не в силах. Он одинок в этом мире и не может рассчитывать на помощь извне. Поэтому его не могут спасти ни любовь, ни дружба.

Внутренняя диалогичность – еще одна черта, которая свойственна как Нежданову, так и Аркадию. Склонность к анализу собственных поступков и мыслей заставляет их вести письменный отчет о своих действиях. Аркадий ведет дневник, Нежданов пишет письма к своему внесценическому другу Силину. В романе Достоевского понятна установка на рассказ от первого лица: Аркадий ставит своей целью предельную искренность, он «не литератор»²⁴, по собственному признанию. Повествование в «Нови» ведется от третьего лица. Отчасти точка зрения повествователя отдана автором резонеру Силе Паклину. Из его уст впервые звучит сравнение главного героя с Гамлетом; он не принимает активного участия в действии романа, но является свидетелем ключевых эпизодов; он остается единственным действующим лицом на момент эпилога.

Любопытна и переключка имени Паклина с фамилией близкого друга Нежданова, адресата его писем. Мы знаем о нем лишь немного: он лучший друг главного героя и человек чистой души. «Ни перед кем Нежданов так беззаветно не высказывался, как перед Владимиром Силиным; когда он писал к нему, ему всегда казалось, что он беседует с существом близким и знакомым – но жильцом другого мира, или с собственной совестью <...> С другими он – на бумаге, по крайней мере – все как будто фальшивил или рисовался; с Силиным – никогда!»²⁵. Ни одного ответа на письма не упомянуто в романе. Введение такого удобного адресата для исповедей героя оправданно. Мы можем соотнести его с персонифицированным внутренним голосом самого Нежданова, который оказывается таким же раздвоенным, нестабильным, нездоровым, как и Аркадий.

Для Аркадия проговаривание событий – это переживание их еще раз. Сам факт того, что герой записывает происшедшее с ним не по горячим следам, а спустя некоторое время, говорит о том, что события оцениваются отчасти с высоты приобретенного опыта. Также отметим, что заметки Аркадия часто имеют случайный характер, хотя сам герой пытается быть документалистом²⁶.

Также объединяют героев неуверенность в себе и зависимость от более сильных героев. Аркадий чрезвычайно подвержен внешнему влиянию. Он остро и эмоционально реагирует на любое прикосновение к его душе. От этого он неуверен в себе и принимает покровительство и дружбу самых разных людей. Он презирает интригана Ламберта, но в разговоре с ним ведет себя, словно загипнотизированный. Когда Ламберт предлагает Аркадию жениться на Ахмаковой, он, понимая нелепость подобного разговора, все же поддается: «...мысль о браке с нею до того пронзила меня всего, что я хоть и удивлялся на Ламберта, как это он может верить в такую фантазию, но в то же время сам стремительно в нее уверовал, ни на миг не утрачивая, однако, сознания, что это, конечно, ни за что не может осуществиться»²⁷.

Неуверенность в себе свойственна и Нежданову. Сам факт того, что герой, по собственному признанию, занимается делом, в котором не видит пользы и смысла, а главное, не видит своего места в нем, подтверждает это. Как и Аркадий, он – ведомый. И гибнет из-за того, что его не вывели из страшного состояния, толкнувшего на самоубийство. В ночь перед гибелью Нежданова и Марианна, и Соломин чувствуют, что с ним творится что-то неладное, но не решаются заговорить об этом: «Он намеревался ей сказать что-то насчет Нежданова, да промолчал. И Марианна, с своей стороны, поняла, что Соломин намеревался ей что-то сказать – и именно насчет Нежданова – и что он промолчал. И она промолчала тоже»²⁸.

Еще одна черта, объединяющая Аркадия и Нежданова, – стремление к искренности. Оба героя часто выражают спорные, шокирующие мысли в обществе: Аркадий – скорее по наитию, чем по желанию кого-то поучить; Нежданов – по гамлетовскому правдолюбию. Аркадий искренне не понимает «веских причин, по которым можно отказать от собственного ребенка или при живой жене делать предложение другой женщине»²⁹. Такая позиция ставит его на место «дурака». Некоторые исследователи видят в образе Аркадия черты трикстера, в смысле чудака, шута, имеющего право говорить правду³⁰. Вспомним о параллели Нежданов – Гамлет. Линии аллюзий Аркадия и Нежданова пересекаются: Гамлета характеризует не только непригодность к делу и неустроенность в жизни: он притворяется безумным, чтобы говорить правду, Аркадий *разыгрывает дурака* с той же целью. Нежданов своей точкой зрения, не подходящей ни к кругу революционеров, ни к кругу гостиной Сипягиных, оказывается не принадлежащим ни к одному из этих миров. Аркадий в системе образов романа традиционно ставится в центр системы двойников, каждый из которых отражает черту его характера. В целом, Аркадий противопоставлен каждому из героев романа.

Подведем итоги. В русской литературе 70-х гг. XIX в. существует сложившийся архетип незаконнорожденного героя. Даже в произведени-

ях непохожих и идеологически противоположных авторов – И. С. Тургенева и Ф. М. Достоевского – можно проследить развитие этих особенностей. Психологическая нестабильность, неспособность принять однозначную социальную роль, неуверенность в себе и зависимость от внешней точки зрения – таковы психологические составляющие этого состояния. Литературные особенности дополняются инаковостью, стремлением к правдивости, принадлежностью к романтическому типу. Различия в психологической и социальной природе образов романов «Новь» и «Подросток» объясняются особенностями авторского мировоззрения.

Примечания

- 1 См.: Колтаков А. Большой роман об интеллигентном герое как жанровая разновидность русской романистики : к постановке проблемы // Новый филол. вестн. 2017. № 2. С. 132–133.
- 2 См.: Кочурова Н. Поэтика сюжета последнего романа И. С. Тургенева «Новь» // Урал. филол. вестн. 2012. № 6. Сер. Русская классика : динамика художественных систем. С. 57–66.
- 3 Карпиленко А. «Хорошим примером человек живет» (по роману Ф. М. Достоевского «Подросток») // Вестн. КГУ им. Н. А. Некрасова. 2009. № 4. С. 46.
- 4 Янжул И. О незаконнорожденных : статистическо-юридический очерк. М., 1870. С. 18.
- 5 См.: Аверинцев С. Архетипы // Мифы народов мира. Энциклопедия : в 2 т. М., 1980. Т. 1. С. 110–111.
- 6 Тургенев. И. Полн. собр. соч. : в 30 т. Т. 5. М., 1980. С. 330.
- 7 См.: Жорникова М. Особенности портрета «естественного героя» в русской романтической повести XIX века // Вестн. БГУ. 2016. Вып. 5. С. 121–125.
- 8 См.: Достоевский Ф. Собр. соч. : в 15 т. Т. 9. Л., 1991. С. 5.
- 9 Тургенев И. Собр. соч. : в 15 т. Т. 7. М., 1998. С. 44.
- 10 Достоевский Ф. Полн. собр. соч. : в 30 т. Т. 13. Л., 1974. С. 5.
- 11 См.: Кочурова Н. Указ. соч. С. 64.
- 12 Достоевский Ф. Полн. собр. соч. : в 30 т. Т. 13. С. 74.
- 13 Тургенев И. Собр. соч. : в 15 т. Т. 7. С. 14.
- 14 Там же. С. 119.
- 15 Там же.
- 16 Там же. С. 121.
- 17 Тургенев И. Полн. собр. соч. : в 30 т. Т. 5. С. 114.
- 18 Тургенев И. Собр. соч. : в 15 т. Т. 7. С. 226.
- 19 Там же. С. 227.
- 20 См.: Тургенев И. Полн. собр. соч. : в 30 т. Т. 5. С. 116.
- 21 См.: Rothe H. Quotations in Dostoyevskiy's "A Raw Youth" // Modern Language Review. Jan1984. Vol. 79, iss. 1. P. 129.
- 22 Достоевский Ф. Полн. собр. соч. : в 30 т. Т. 13. С. 63.
- 23 См.: Rothe H. Op. cit. P.131.
- 24 Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. : в 30 т. Т. 13. С. 2.
- 25 Тургенев И. Собр. соч. : в 15 т. Т. 7. С. 61.
- 26 См.: Угрехелидзе В. Поэтика социально-криминального романа : западноевропейский канон и его трансформация в русской литературе XIX века : «Большие надежды» Ч. Диккенса и «Подросток» Ф. М. Достоевского : дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. С. 76.
- 27 Достоевский Ф. Полн. собр. соч. : в 30 т. Т. 13. С. 274.
- 28 Тургенев И. Собр. соч. : в 15 т. Т. 7. С. 264.
- 29 Достоевский Ф. Полн. собр. соч. : в 30 т. Т. 13. С. 172.
- 30 См.: Угрехелидзе В. Указ. соч. С. 173.

Образец для цитирования:

Иванова Е. А. Образ незаконнорожденного в романах Ф. М. Достоевского «Подросток» и И. С. Тургенева «Новь» // Изв. Саратов ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 187–191. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-2-187-191>

Cite this article as:

Ivanova E. A. The Image of an Illegitimate Child in the Novels *A Raw Youth* by F. M. Dostoyevsky and *Virgin Soil* by I. S. Turgenev. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 187–191 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-2-187-191>